

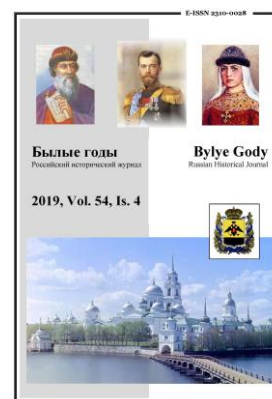
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1877-1886. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1877
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The 1911 Crisis at Provincial Universities

Evgenii A. Rostovtsev ^{a,*}, Dmitrii A. Barinov ^a, Ilya V. Sidorchuk ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to study the development of the crisis of higher education of the Russian Empire in 1911, the so-called “Kasso crisis”, on the example of five provincial universities – Novorossiysk (located in Odessa), St. Vladimir in Kiev, Yuryev, Tomsk and Kazan. Traditionally, this period in the history of higher education of the Russian Empire was investigated on the example of the St. Petersburg and Moscow universities. This work aims to find out whether the reaction in the selected universities was only an echo of the events in St. Petersburg and Moscow, or we can talk about unique scenarios of its development. The study is based on a wide range of archival and published historical sources, including those not introduced into scientific circulation. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the course of the crisis, its main driving forces, the positions of professors and students in different universities of the Empire were very similar. Common to provincial universities and uniting them with the capital were ideas about the importance of “academic freedom”, unwillingness to perform police functions, the desire to soften the blow of repression against students. At the same time, the tactics of the universities were different and depended on the composition of the professor’s corporations and the region to which the university belonged.

Keywords: Higher school of the Russian Empire, Kasso crisis, history of universities, 1911, Novorossiysk University, Yuriev University, St. Vladimir University in Kiev, Kazan University, Tomsk University, student movement.

1. Введение

Высшая школа Российской империи в период правления министра Л.А. Кассо не являлась неким однородным телом. Как и все российское общество, она включала в свой состав представителей различных политических течений, на которые влиял целый комплекс объективных и субъективных факторов. Немногочисленные университеты, концентрировавшие ведущие научные силы, вполне можно считать лакмусовой бумажкой для интеллектуальной элиты страны, способной раскрыть ее профессиональные и идеологические установки, стратегии и цели. Кроме этого, благодаря революционной активности студенчества, университеты являлись не только центрами генерации политических лозунгов, но и реальным полем битвы за светлые идеалы будущего. Наиболее ярко эти тенденции проявились во время кризиса высшей школы конца 1910 – начала 1911 гг.

2. Материалы и методы

Источниковая база статьи включает в себя как совокупность опубликованных источников, связанных с темой исследования, так и широкий комплекс архивных материалов, в том числе хранящихся в фонде Министерства народного просвещения в Российском государственном историческом архиве и ряде фондов Национального архива Эстонии. Одной из причин

* Corresponding author

E-mail addresses: e.rostovtsev@spbu.ru (E.A. Rostovtsev), d.barinov@spbu.ru (D.A. Barinov), i.sidorchuk@spbu.ru (I.V. Sidorchuk)

формирования стереотипов в историографии, посвященной кризису 1911 г., являлось то, что исследователями в весьма незначительной степени использовалась внутривузовская документация. В настоящей статье осуществлена попытка выбраться из этого «историографического туннеля», в частности через обращение к протоколам заседаний советов высших учебных заведений, являющихся важным источником для характеристики позиции профессорских коллегий.

Для реконструкции ключевых моментов «кризиса» авторы обратились к методу насыщенного описания и сравнительно-историческому для сопоставления стратегий корпораций различных высших учебных заведений.

3. Обсуждение (историография проблемы)

История высшей школы империи в кризисный 1911 г. не раз привлекала внимание исследователей. Данный сюжет неизменно встречается в общих работах, посвященных студенческому революционному движению, политике министерства Л.А. Кассо, истории российских университетов. Этот период более всего изучен на примере Петербургского и Московского университетов (подробный анализ историографии см. [Баринов, 2017](#); [Ростовцев, 2017](#): 613-640).

4. Результаты

В данной статье предпринята попытка рассмотреть события периода конца 1910–1911 гг. на примере ряда провинциальных университетов – Новороссийского (Одесского), святого Владимира в Киеве, Юрьевского, Томского и Казанского. Был ли кризис лишь эхом, отголоском событий в столицах или в различных провинциальных вузах кризис имел собственный сценарий, связанный со спецификой конкретного университета или региона?

На пути к кризису: бурная осень 1910 г. Прежде чем говорить о событиях 1911 г. необходимо рассказать о том, что происходило в предшествующие ему месяцы. 25 сентября 1910 г. Л.А. Кассо был назначен на должность министра народного просвещения вместо А.Н. Шварца, чья личность вызывала однозначное отторжение либеральной профессуры. Тогда он еще являлся «темной лошадкой», к которой с подозрением относились как правые, так и левые ([Ростовцев, Сидорчук, 2019](#): 14-15). Должность министра была сколь престижной, столь и опасной. Речь шла не только о террористах, но и постоянном внимании прессы, которой был нужен лишь повод, чтобы ополчиться на назначенца. Во многом Л.А. Кассо не повезло: в первые месяцы его руководства министерством произошли события, имевшие достаточно отдаленное отношение к университетам, но ставшие катализатором революционных выступлений и конфликтов с частью ученого сообщества.

Поводом к началу очередной волны студенческих волнений стала смерть Л.Н. Толстого 7 ноября 1910 г. Уход из жизни известного критика власти и церкви послужил причиной массовых сходок и демонстраций. В Петербурге и Москве они переросли в серьезные беспорядки. Кончина «писателя Земли Русской» нашла отклик во всей Российской империи (см. подробнее: [Мейлах, 1960](#)).

В Казани ситуация была спокойнее, чем в столицах. Ректор дозволил собраться членам легального литературного кружка, разрешил составить и отправить телеграмму родственникам Толстого, но только при его (ректора) одобрении. В итоге собрание превратилось в сходку. На вопрос ректора, как такое возможно, один из организаторов заявил, что за один день в кружок вступило более 400 человек, всех записали в члены и выдали билеты. От Совета присутствовал профессор А.М. Миронов. Собрание закончилось без происшествий, профессор поблагодарил всех за образцовый порядок ([РГИА. Ф.733. Оп. 201. Д. 219. Л. 19](#)).

В Томске организованная студентами-технологами демонстрация также закончилась без происшествий. Полицейстер велел студентам разойтись, тогда они зашли в здание университета, где провели сходку, по итогу которой осудили отношение Синода к писателю ([Зайченко, 1960](#): 108-109). В ноябре целый ряд кружков при томских учебных заведениях провел собрания в честь писателя ([Толстовские дни...: 3](#)).

В Киеве студенты вскоре после смерти писателя в коридоре устроили собрание в знак порицания университетской администрации из-за запрета сходки против смертной казни и отказа отправки телеграммы больному Л.Н. Толстому. При этом часть лекций не состоялась ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 5](#)). После его смерти студенты принимали участие в демонстрациях, не посещали лекций ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 8](#)). С 8 по 10 ноября занятия официально были прекращены во всем Киеве. 11-го они возобновились по решению руководства университета, за что студенческая сходка высказала порицание университетской администрации ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 12 об.](#)). Следующими поводами для сходок в Университете св. Владимира стали события, произошедшие в конце 1910 г. в Вологодской и Зерентуйской тюрьмах, где заключенных наказывали плетью (в Зерентуйской бывший студент Московского университета и участник убийства В.К. Плеве Е.Д. Сазонов покончил с собой) ([Брачев, 2013](#): 73).

Так, руководство Киевского университета пыталось в этих условиях продемонстрировать свою лояльность к МНП, которого не могло не раздражать поведение киевских студентов. Совет Университета Св. Владимира по случаю высочайшего приема 21 декабря 1910 г., на котором присутствовал профессор университета П.Н. Ардашев, через посредство управляющего МНП на

заседании 1 марта сделал всеподданнейшее обращение, в котором соблюдение постановлений министерства трактовалось как выражение преданности монархии: «В высокознаменательных словах Вашего Величества Совет Императорского Университета Св. Владимира видит мощную поддержку и величайшее поощрение своей деятельности, направленной к научной работе и к упрочению порядка в переживающей трудное время нашей высшей школе. Совет выражает свою беззаветную готовность, с удвоенным рвением, продолжать свое служение науке и просвещению на радость возлюбленному Государю и на благо нашей великой родине» ([Протоколы ... 21 января: 4, 26](#)).

В Одессе в связи с кончиной Толстого также произошли демонстрации, устроенные студентами университета. Ситуация обострилась после того, как 13 ноября им запретили участвовать в заседании Совета университета, посвященном столетней годовщине со дня рождения студента университета Н.И. Пирогова, также популярного среди студенчества.

Как и в других высших учебных заведениях, в Новороссийском университете ситуация осложнялась постоянной борьбой, которая велась между «академистами» и революционно настроенным студенческим большинством. 5 декабря 1910 г. левые студенты попытались сорвать общестуденческий благотворительный бал, средства от которого, по их мнению, распределялись между студентами-черносотенцами. Была разлита «зловонная жидкость», после чего началась потасовка между левыми и правыми. Дополнительным катализатором протестной активности стало напугавшее убийство студента Новороссийского университета еврея И.М. Иглицкого 8 декабря. Оно произошло во время сходки, на которой присутствовало около 300 человек. В аудиторию пришло 15 «академистов», после чего произошел конфликт с дальнейшим вмешательством полиции. Версии о том, что произошло дальше, разнятся. По мнению одних, Иглицкий был, случайно или нет, убит «своими» выстрелом в затылок ([Брачев, 2010: 74; Рихтер, 2004](#)), по другой – открывшими стрельбу «академистами» или полицией. Конфликт, по мнению исследователя С.Л. Портного, укрепил репутацию Новороссийского университета как самого реакционного ([Портной, 1940: 116-117](#)). Эхо этого события донеслось и до столицы, где клуб «академистов» на Лесном проспекте был разгромлен и спустя несколько дней сгорел (по некоторым предположениям, в результате поджога) ([Ростовцев, 2017: 618](#)).

Активизация студенческого движения и необходимость решения «университетского вопроса» привела Л.А. Кассо к идее созыва «частного» собрания профессоров-«академистов». Основную роль в заседании играли представители Новороссийского университета, состав которого считался наиболее консервативным. На совещании говорилось о растущем влиянии академизма в высшем образовании, об актуальной роли университетского устава, дающего «академическую» автономию университетам ([Казанский, 1911: 9-10; Ковтуненко, 2014](#)).

Можно предположить, что позиция совещания консервативных профессоров, настаивавших на академической автономии университетов и видящих в ней средство дистанционирования высших учебных заведений от политики, была одним из побудительных импульсов для дальнейшей политики власти в университетском вопросе, в частности издания акта 11 января 1911 г.

Кульминация: январь–февраль 1911 г. Постановление 11 января 1911 г. обоснованно считается одной из главных отправных точек *кризиса высшей школы*, или *кризиса Кассо*. В первую очередь речь шла о запрете всех студенческих собраний в стенах университета, не носящих научного или учебного характера, и предписании профессорам осуществлять надзор за ними ([11 января 1911...: 41-43](#)). В провинциальных университетах реакция на постановление 11 января была разной.

Совет Университета св. Владимира постановил принять нововведения «к точному исполнению». Однако интерпретация как постановления, так и стоящих перед профессорами задач в изложении Совета была своеобразной. По существу, профессора отстранялись от исполнения указанных функций, перекладывая их на инспекцию университета. В частности, Совет уверял, что надзор за порядком осуществлялся должным образом и до этого: «Что же касается циркулярного распоряжения г. Управляющего Министерством народного Просвещения за № 192 о безотлагательной выработке мер для установления действительного надзора за учащимися и своевременного привлечения к ответственности всех нарушителей порядка академической жизни, то донести, что в Киевском Университете надзор, предусматриваемый г. Управляющим Министерством уже существует, ввиду чего в настоящее время может возникнуть вопрос лишь о некотором его усилении и улучшении, пояснив при том, что, хотя Совет Университета Св. Владимира, подобно советам других университетов, сделал в сентябре 1905 года постановление о прекращении функций надзора университетской инспекции, однако же в заседании 4 сентября 1906 года, после доклада Ректора, указавшего на то, что надежды, которые возлагались Советом в отношении охранения порядка на советскую комиссию и на самих студентов, не оправдались, и предложившего вновь возложить на инспекцию обязанности наблюдения за порядком и принять меры к недопущению в университете посторонних лиц, Совет поручил инспекции вновь надзор за внешним порядком в университете и постановил требовать от студентов при входе в университет предъявления билетов» ([Протоколы ... 21 января: 7-8](#)).

Студенты, разумеется, не разделяли подобную соглашательскую позицию профессуры, поэтому начали пассивную, а иногда и активную забастовку, направленную на срыв занятий. Всего с 31 января

по 12 марта, по данным университетской администрации, не состоялось 500 (17 %) лекций. Из них по причине отсутствия слушателей – 284 (10 %), а остальные 216 (7 %) по другим причинам. Наибольший процент срыва лекций был на физико-математическом факультете, где 224 лекции не состоялись по причине отсутствия слушателей (для сравнения: на историко-филологическом – 30, медицинском – 27, юридическом – 0) (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 28). В стенах университета постоянно находили революционные воззвания. Восстановить порядок Совету университета помогали «академисты», что удавалось лишь отчасти. Например, профессор биологии А.Н. Северцов, вскоре переведенный Л.А. Кассо в Московский университет, 8 февраля прочитал лишь часть лекции, на которой присутствовали только «академисты», после чего продолжать занятие отказался, сославшись на то, что в аудитории недостаточно слушателей (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 22-22 об.). Впрочем, в дальнейшем активность студенчества пошла на спад.

Совет Новороссийского университета в разгар студенческой активности в январе–феврале 1911 г. также демонстрировал верноподданническую фразеологию (Совет «повергает к стопам Вашим, Великий государь, свои верноподданнические чувства и выражение беззаветной преданности») (РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 140. Л. 14). Ректору было разрешено принимать решение о вводе полиции в стены университета, и в период кризиса она находилась в здании с 9 утра и до окончания занятий. В каждом здании, писала пресса, теперь стало размещаться по 15 городских (Портной, 1940: 116-117).

В Казанском университете в январе начали происходить сначала небольшие собрания студентов, потом при участии 100–300 человек – с обсуждением будущих выступлений забастовки. Ректор Г.Ф. Дормидонтов доложил губернатору, что нет возможности предупредить волнения без закрытия университета, также он предложил арестовать агитаторов и зачинщиков. М.К. Корбут считает, что таким образом профессура сама отступила от принципов автономии, за которые боролась ранее (Корбут, 1930: 267). 3 февраля было принято решение о забастовке, спусковым этого решения казанских студентов стал «разгром» Московского университета. 3 февраля было принято решение о забастовке. Тогда же по предложению ректора проведено экстренное собрание Совета: в нем голосовали за обращение к студентам: в итоге 25 из 40 собравшихся высказались против увещевания студентов. Тогда ректор выступил от своего имени. Во время шествия 3 февраля полиция начала перепись студентов-участников протеста, собравшихся по окончании процессии в вестибюле университета. Позднее Совет университета вступился за некоторых молодых людей, которые попали в список случайно. Призыв к прекращению занятий не был активно воспринят большинством студентов. Срывы были локальными: за 3–10 февраля на историко-филологическом факультете состоялось 70 из 90 занятий, на физико-математическом – 100 из 197; на юридическом – 73 из 83, на медицинском – 137 из 224 (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 219. Л. 49). Среди лидеров движения 1910–1912 гг. были прежде всего студенты-медики (это видно и по числу сорванных занятий). Первый коалиционный орган был создан именно при медицинском факультете, и уже он впоследствии «поглотил» остальные факультеты (Гарафутдинов, 1969: 102). За февраль этот объединенный Коалиционный совет издал более 6 прокламаций политического содержания. Однако в целом авторы работ по истории студенческого движения отмечают слабую организованность студентов во время забастовки. Хотя занятия формально возобновились в 20-х числах февраля, количество студентов в аудиториях было небольшим. Для установления порядка попечитель распорядился переписать студентов, которые приходят на лекции, и тщательно проверять студенческие билеты, чтобы неблагонадежные лица не попали в аудитории (Корбут, 1930: 267-269). Совет университета (точнее – избранная им комиссия) попытался оспорить предлагаемые меры, однако его обращение было отклонено. Ректор в записке попечителю сетовал на Совет университета. Он пытался побудить его к решительным действиям, но тот был пассивен: либо отказывался голосовать за предлагаемые меры, либо не набирался кворум и собрание постоянно откладывались. Предложения, посланные МНП, таким образом месяц оставались без ответа (они касались переписи пришедших студентов). Только после специального внушения попечителя директору Высших женских курсов и ректору университета эта мера начала применяться (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 219. Л. 50).

Усиление охранительной политики коснулось не только политически активных студентов Казани, но и профессуры, а также общего течения университетской жизни. И. Гилязов, опираясь на архивные документы, отмечает, что в 1910–1911 гг. полиция стремилась установить тотальный контроль за университетом, отслеживая участников студенческих экскурсий, посетителей лекций и т.д. Рвение жандармов дошло до того, что в феврале 1911 г. на основании агентурных сведений был сочинен заговор профессоров (Д.Н. Зейлигер, Б.К. Поленов, А.А. Пионтковский), который предполагал отправку студентов на службу в полицию, чтобы они служили осведомителями для университета (Гилязов, 2009: 520). Необходимо отметить, что лозунги, выдвигаемые студентами, не были радикальными и вполне укладывались в рамки требований академических свобод. В таком духе было выдержано перехваченное рукописное воззвание в феврале 1911 г. (хотя в нем и предлагалось вспомнить «славный 1905 г.»), а также письмо студентов из Коалиционного комитета казанской профессуре. В нем всячески подчеркивалось уважение к профессорам, содержался призыв поддержать студентов: «Избирайте же себе аудиторию – пред Вами две: одна – студенческая, другая – провокационно-полицейская» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 219. Л. 54).

В январе 1911 г. протесты активизировались и в Томском университете. Студентами вуза был организован Коалиционный комитет, объединявший представителей разных политических течений. Вскоре он принял решение о прекращении занятий ([Томский университет...: 85](#)). Совет университета был вынужден реагировать на подобные акции и по предложению ректора вскоре проголосовал (18 голосами против 13) за привлечение полиции в случае необходимости. Вместе с этим был запрещен вход в университет отдельным студентам, скомпрометированным участием в протесте; остальные студенты должны были в обязательном порядке предъявлять пропуск ([В университете... № 27](#)). Забастовка была продолжена, занятия срывались путем «химических обструкций» ([В университете ... № 30](#)). Беспорядки привели также к активизации академического движения: в начале февраля было проведено собрание, на котором был разработан устав общества и подан на утверждение губернатору ([В университете... № 31](#)). 9 февраля группа представителей медицинского факультета (которые, как и в Казани, являлись главными руководителями протеста) предложили ректору провести встречу по текущим проблемам университета. Предложение не было отвергнуто сразу. Как сообщала «Сибирская жизнь», было созвано специальное совещание, на котором присутствовали проректор университета, деканы юридического и медицинского факультетов и главы факультетских клиник. По итогу совещания идею референдума отклонили, не видя для него возможностей ([В университете... № 33](#)).

Активную борьбу вело и студенчество Томского технологического института. В секретной телеграмме от 24 января попечитель учебного округа охарактеризовал положение в институте как «анархия» ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 225. Л. 28](#)). Была достигнута с МНП договоренность о вводе полиции в случае продолжения сопротивления. Стачечный комитет продолжал регулярно выпускать листовки. Например, листовка «К позорному столбу» содержала список тех, кто вопреки проводимой забастовке сдавал экзамены (17 человек) ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 225. Л. 49](#)). Листовка «Все за одного. Ко всему студенчеству» содержала призыв продолжать борьбу, но не выдвигала политических требований и вообще почти ничего конкретного не говорила о целях движения ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 225. Л. 63](#)). Позднее был образован и «стачком» университета, который совместно со стачкомом института выпускал прокламации.

В самом начале 1911 г. эхо бурных событий донеслось и до Юрьевского университета. 14 января Лифляндский губернатор в письме сообщил Юрьевскому полицмейстеру и уездному начальнику о распоряжении Совета Министров от 7 января, запрещающем сходки и собрания в высших учебных заведениях. О них должно было немедленно уведомлять полицию. Подобная мера была «вызвана необходимостью дать возможность трудиться и заниматься наукой учащимся, ищущим знания, и оградить их от насилия лиц, преследующих в учебных заведениях другие, противогосударственные цели». Все сборища студентов должны были немедленно прекращаться полицией, а нарушители отчислены ([ЕАА. 402.7.490. Л. 308](#)).

Вследствие постановления Совета Министров ректор Юрьевского университета В.Г. Алексеев опубликовал объявление, согласно которому, так же, как и в других университетах страны, «в университетских помещениях временно воспрещаются всякие студенческие собрания ненаучного характера. Виновные в нарушении сего постановления подлежат исключению из Университета». Также строжайше воспрещалось входить в университетские помещения посторонним лицам ([ЕАА. 402.7.756. Л. 6](#)). О беспорядках, подобных петербургским или московским, применительно к Юрьеву речь не шла. При этом говорить о полном отсутствии политической активности среди студентов также не приходится. Согласно студенческой переписи, проведенной в 1907 г. М. Бенашиком, среди студентов находились лица, «разделяющие взгляды более чем 30 партий», наиболее популярной политической силой были социал-демократы. Наименьшее число левых было среди немцев (чуть больше 37 %), а наибольшее – среди евреев и кавказских народов (больше 77 % и 88 % соответственно). Среди русских, составлявших больше половины общего числа студентов, – около 70 %. Правые политические взгляды пользовались наибольшей поддержкой среди немцев – более 43 % ([Бенашик, 1909: 71-76](#)).

Организующим центром студенческой активности являлся Коалиционный комитет Юрьевского университета. Его членами в начале февраля был распространен целый ряд листовок противоположительственного содержания. Секретная полицейская переписка сообщает, что 1 февраля в университете было вывешено революционное воззвание. Также во время перерыва между лекциями группа студентов 2 курса обсуждала вопрос о забастовке, причем большинство собравшихся эту идею поддержало ([ЕАА. 325.1.1039. Л. 9-9 об.](#)). Студенты выступали за полную автономию высшей школы, соблюдение Временных правил от 27 августа 1905 г. Стремление к отмене занятий они объясняли тем, что студенчество «не может и не будет заниматься наукой при отсутствии неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и союзов». Также они призывали профессию поддержать их: «Выступая на защиту свободы высшей школы, защищая свою и Вашу честь, студенчество ждет от Вас ответа. Оно спрашивает, окажете ли Вы теперь ему поддержку и тем укрепите то искреннее уважение и доверие к Вам, которое выросло после введения университетской автономии». Студенты выражали надежду, что у профессуры не возникнет желания читать лекции «пред переодетыми полицейскими и агентами охранного отделения под защитой винтовок стражников» ([ЕАА. 402.7.756. Л. 19; РГИА.](#)

Ф. 733. Оп. 201. Д. 214. Л. 9). Некоторые члены Коалиционного совета за попытки срыва лекций и распространение прокламаций были исключены (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 214. Л. 8-8 об.).

Несмотря на подобную активность, действия студентов не приводили к массовому срыву занятий. Как и в столицах, распространенным способом нарушить ход обучения служили «химические атаки» – распыление в лекционных аудиториях неприятно пахнущих веществ. Например, 3 февраля на лекции психиатра В.Ф. Чижя, известного своими консервативными взглядами и называвшего всех революционеров алкоголиками и душевнобольными вырожденцами (Сироткина, 2008: 50), раздались взрывы, и кто-то отравил воздух сероводородом. Тем не менее, большинство присутствовавших студентов не поддержало начинания и осталось в аудитории – лекция была продолжена (ЕАА. 325.1.1039. Л. 30).

Свою роль в профилактике беспорядков сыграла и полиция, проводившая обыски в студенческих обществах и на квартирах студентов с сомнительной репутацией. Особое волнение вызывали члены грузинской и еврейской общин. Чаще всего полиция не обнаруживала никаких реальных доказательств их революционной деятельности, а лишь запрещенную литературу, тем не менее в целях профилактики проводила превентивные аресты. Под особый контроль брались «гастролеры» – приезжавшие в Юрьев студенты из других регионов, особенно из числа евреев.

Март–Декабрь 1911. Спад движения и последствия кризиса. К началу марта протест постепенно сошел на нет, что стало следствием как политики профессуры, так и активных репрессивных действий полиции. Тем не менее, говорить о полном затишье также нельзя, новый всплеск активности можно было ожидать в любой момент. Речь шла не только о студенчестве, но и о преподавателях. Подчас даже известные среди них своей осторожной и лояльной позицией, принимали решения, которые могли болезненно восприниматься властью. Например, в мае историко-филологический факультет Университета св. Владимира ходатайствовал об учреждении премии Л.Н. Толстого, как великого русского писателя и почетного члена университета. Премию планировалось вручать за сочинения по истории русской литературы, преимущественно самого Толстого. Совет постановил отправить проект на согласование попечителю округа, а также поставить бюст писателя в актовом зале университета (Протокол... 27 мая: 113-114), при том, что личность писателя была достаточно токсичной для власти и не раз становилась символом сопротивления ее политике. Проект не вызвал никаких сопротивлений министерства, и премия была учреждена. Среди актуальных проблем, связанных с поведением студенчества, для Киева было характерно только снижение посещаемости. На заседании Совета 18 марта 1911 г. было заслушано основанное на распоряжении министра народного просвещения замечание попечителя Киевского учебного округа о том, что отмечено снижение посещаемости. По его указанию те, кто получает стипендии, должны находиться под особым контролем деканов и преподавателей. Совет с подобным требованием полностью согласился (Протокол... 18 марта: 31).

В Одессе яркий эпизод, характеризующий недопонимание между попечителем учебного округа, университетом и министерством, случился летом 1911 г. Из Краковского университета поступил запрос на характеристику заслуженного проф. И.В. Слешинского, который преподавал в Одессе и должен был занять должность профессора в Кракове. Характеристика со стороны попечителя была дана уничижительная, говорилось, что в годы первой революции И.В. Слешинский «голосовал за все противоправительственные, противогосударственные и противоакадемические постановления совета Новороссийского университета» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 333. Л. 5-6 об.). И так, по мнению автора записки, происходило до тех пор, пока управление не перешло в руки правых профессоров, которые и вернули порядок. Несмотря на подобную отповедь, Л.А. Кассо на основе характеристики попечителя, отписал товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову, что ни профессиональные, ни нравственные качества И.В. Слешинского не вызывают сомнений и нет оснований для отрицательного отзыва (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 333. Л. 7-7 об.). Должность профессора И.В. Слешинский получил в этом же году. Противостояние «левым» (имелось в виду либеральным) профессорам очень заботило ректора Новороссийского университета. Летом в записке Л.А. Кассо он рекомендовал не убирать из университета правых профессоров до выборов на административные должности в октябре 1911 г., т.к. тогда на их место могут прийти левые. Большое возмущение в Совете университета вызвала статья в «Голосе Москвы» (1911, № 60). Ее автор писал, что историк церкви профессор А.И. Алмазов был назначен на должность проректора вопреки мнению Совета и по указанию ректора. Ректор на это отвечал, что проводившиеся весной 1910 г. выборы «были безрезультатны» (что это значит, не вполне ясно), поэтому был назначен тот, за кого отдали больше записок. В ответе ректора также назывались бездоказательными слухи о том, что А.И. Алмазов знал о намерениях группы вооруженных «академистов» разгонять демонстрации при помощи пальбы. Ректор отводил все обвинения в неэффективности предпринимаемых для восстановления порядка мер. Наоборот, отмечается в записке, студенты посещают лекции «так аккуратно, как этого до сих пор не наблюдалось» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 333. Л. 32). В конце 1911 г. в Совете университета разбирался случай приват-доцента физико-математического факультета В.Ф. Кагана. Согласно записке попечителя, отправленной на имя Л.А. Кассо, В.Ф. Каган, по собранным свидетельствам, помогал деятельности левого студенчества во время забастовки 1911 г., ранее участвовал в революции

1905 г., являясь представителем «противозаконного Союза младших преподавателей» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 333. Л. 36). Будучи студентом, в 1889 г. участвовал в беспорядках и был отчислен (за попытку организации панихиды в память о Н.Г. Чернышевском). Очевидно, никаких видимых последствий для ученого разбирательства не имели, Совет никак не отреагировал на позицию попечителя, и В.Ф. Каган проработал в университете вплоть до его закрытия в 1920 г.

Годовщина смерти Л.Н. Толстого прошла в Новороссийском университете спокойно, хотя Совет университета и попечитель ожидали новых беспорядков. Сообщалось, что слушательницы одесских ВЖК даже не вносили деньги за обучение, т.к. полагали, что занятий все равно не будет. Находили различные прокламации «К студенчеству». Но беспорядков не было, и занятия состоялись. Только на Одесских женских медицинских курсах студентки не пришли на несколько лекций. Немалая заслуга в «успокоении» обстановки принадлежала «академистам», которые разослали среди своих соратников призыв прийти на лекции 7 ноября, и все 300 человек явились, не дав их сорвать (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 354. Л. 10, 14).

Напряженность в Томском университете в «постфевральский» период возникло не только из-за студенческих беспорядков, но и из-за обострения отношений между либеральной профессурой и попечителем западносибирского учебного округа Л.И. Лаврентьевым. Наиболее яркий случай произошел с юристом И.А. Малиновским, который служил в Томском университете в должности профессора с 1908 г. Попечитель часто проявлял недовольство содержанием его лекций, опубликованных работ. Положение ученого осложнялось еще и тем, что он являлся редактором либеральной газеты «Сибирская жизнь», а также руководителем Юридического общества при университете, которое характеризовалось попечителем как «революционный клуб». Всего за период с января 1905 г. по август 1911 г. Л.И. Лаврентьев направил в министерство 23 донесения, содержащих критическую оценку деятельности профессора (Фоминых, Некрылов, 2012: 6). В феврале 1911 г. И.А. Малиновский не был утвержден в должности декана (В университете... № 30). Большой резонанс вызвала его работа «Кровавая месть и смертные казни». Казанский губернатор усмотрел в ней критику смертной казни и защиту революционного террора в России, о чем доложил Л.А. Кассо, и предлагал даже возбудить против Малиновского уголовное преследование. Переписка и передача дела между инстанциями закончилась в сентябре 1911 г., когда по представлению начальника учебного округа в МНП профессор был уволен и приговорен в 1912 г. к 1 месяцу ареста, но был помилован в честь 300-летия Дома Романовых (Фоминых, Некрылов, 2012: 22-23). Этот инцидент, по мнению исследователей, открыл дорогу к увольнению других неугодных преподавателей, «обстановка доносов, шантажа и слежки за профессорами, созданная сторонниками попечителя, привела к тому, что университет были вынуждены покинуть единомышленники Малиновского – в 1911 г. М.Н. Соболев, в 1912 г. – М.И. Боголепов и в 1913 г. – Н.Н. Розин» (Томский университет...: 85).

В Юрьеве очередного всплеска студенческой активности после февраля полиция ожидала в мае. Так, в секретном циркуляре полицмейстерам и уездным начальникам Лифляндской губернии говорилось о том, что «революционные организации прилагают особые усилия к устройству возможно более широкого чествования дня первого мая» и организации забастовки (ЕАА. 325.1.1039. Л. 168). Однако никаких крупных событий в этот день не состоялось. В целом попытки срыва занятий в первую половину года оканчивались неудачно, хотя исключения и высылки студентов продолжались до мая. Прекрасной иллюстрацией более чем скромного масштаба революционной активности студентов служат события поздней осени 1911 г. Если для Санкт-Петербурга и Москвы они стали периодом массовых антиправительственных демонстраций, поводом для которых явилась годовщина смерти Л.Н. Толстого, то Юрьев ограничился лишь «делом Доскинского». Студента университета Василия Ивановича Доскинского обвиняли в организации несогласованной сходки, посвященной смерти Л.Н. Толстого. 7 ноября в помещении Общества русских студентов состоялось собрание, где кроме членов общества также было много курсисток. Участники внесли в помещение большой портрет Л. Толстого и венки. Об устройстве собрания не было заявлено заранее. Пришедший полицейский пристав 1-го участка указал на то, что это несогласованное публичное собрание, так как в нем принимали участие не только члены Общества. После этого студенты разошлись. На В.И. Доскинского завели уголовное дело, по итогам рассмотрения которого он был приговорен мировым судьей к штрафу в 16 рублей. После подачи апелляции Съезд мировых судей студента оправдал (ЕАА. 417.1.8224).

5. Заключение

Рассмотрев, как развивались события в нескольких провинциальных университетах, мы можем уверенно констатировать, что ход кризиса Кассо, его основные движущие силы, позиции профессуры и студенчества в разных университетах империи были весьма схожи. Иначе говоря, кризис наглядно показал значительную степень общности и корпоративного единства как университетской элиты, так и студенческой интеллигенции разных поколений, продемонстрировал глубину их неприятия ценностных оснований политики власти.

Общими для провинциальных университетов (объединяющими их со столичными) были представления о важности академической свободы, нежелание исполнять полицейские функции,

стремление смягчить удар репрессий против своих питомцев – фрондирующих студентов. Общей была и студенческая солидарность с товарищами как своего, так и других университетов и требование солидарности, направленное к «отцам» в университетской семье – профессорам. Фигурой, объединившей «отцов» и «детей» русской интеллигенции, являлся Л.Н. Толстой, олицетворявший гуманистическое начало освободительного движения.

Между тем тактика российских университетов была различной и зависела как от состава профессорских корпораций, так и от региона, к которому принадлежал университет. Для относительно консервативных коллегий (Киев, Одесса, Томск) порядок в университете, обеспечивавший правильный ход академической жизни, имел большую значимость, нежели защита студенчества. В борьбе за порядок консервативная «коллегия» готова была сотрудничать и с академистами, и даже с полицейскими силами. В других университетах ситуация была иная: в Казани ректору пришлось брать всю тяжесть сотрудничества с властями на себя. Разумеется, многое могло зависеть и от места расположения университета. В больших городах противостоять революционному студенчеству властям и корпорации было сложнее, чем, например, в Юрьеве.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Кризис высшей школы 1911 года», проект №17-01-00222.

Литература

- 11 января 1911 г. – 11 января 1911 г. № 765. О временном недопущении публичных и студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // *ЖМНП*. 1911. Ч. 31. Апрель. С. 41-43.
- Баринов, 2017 – Баринов Д.А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // *Клио*. 2017. № 10. С. 106-117.
- Бенасик, 1909 – Бенасик М. Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве. СПб.: О-во юрьев. студентов, 1909. 136 с.
- Брачев, 2013 – Брачев В.С. Студенческие волнения октября–декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете // *Клио*. 2013. № 10 (82). С. 68-76.
- В университете (№ 27) – В университете // *Сибирская жизнь*. 1911. № 27. 4 февраля. С. 3.
- В университете (№ 30) – В университете // *Сибирская жизнь*. 1911. № 30. 8 февраля. С. 4.
- В университете (№ 31) – В университете // *Сибирская жизнь*. 1911. № 31. 9 февраля. С. 4.
- В университете (№ 33) – В университете // *Сибирская жизнь*. 1911. № 33. 11 февраля. С. 4.
- Гарафутдинов, 1969 – Гарафутдинов Ф. Студенты Казанского университета на новом этапе борьбы за свержение царизма (1910 – февраль 1917) // *Вестник студенческого научного общества Казанского университета. Общест. и гум. науки*. Казань, 1969. Вып. 2–3. С.1 01-106.
- Гилязов, 2009 – Гилязов И. Город Казань и Казанский университет в начале XX века // *Университет и город в России (начало XX века)*. М.: РОССПЭН, 2009. С. 460-583.
- Зайченко, 1960 – Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1960. 478 с.
- Казанский, 1911 – Казанский П.Е. Совещание профессоров в декабре 1910 г. (доклад в Академическом клубе в Одессе). Одесса: Тип. «Рус. речи», 1911. 53 с.
- Ковтуненко, 2014 – Ковтуненко М.К. Движение правого академизма в Императорском Новороссийском университете в начале XX в. // *Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета»*. 2014. № 1.
- Корбут, 1930 – Корбут М.К. Казанский государственный университет за 125 лет. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. Т. 2. 211 с.
- Мейлах, 1960 – Мейлах Б.С. Уход и смерть Льва Толстого. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. 405 с.
- Портной, 1940 – Портной И.Л. Студенческое движение в Одесском университете в 1900–1914 гг. // *Одесский университет за 75 лет*. Одесса: Б.и., 1940. С. 69-120.
- Протокол... 27 мая – Протокол заседания Совета Императорского Университета Св. Владимира 27 мая 1911 г. // *Университетские известия*. 1912. № 3.
- Протокол... 18 марта – Протокол заседания Совета Императорского Университета Св. Владимира 18 марта 1911 г. // *Университетские известия*. 1911. № 11.
- Протокол... 21 января – Протоколы заседаний Совета Императорского Университета Св. Владимира 21 января, 18 февраля и 1 марта 1911 г. // *Университетские известия*. 1911. № 7.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рихтер, 2004 – Рихтер З. Хочу, чтобы жили // *Лехаим*. 2004. Март. № 3 (143). [Электронный ресурс]. URL: <http://lechaim.ru/ARHIV/143/rihter.htm> (дата обращения: 08.09.2017).
- Ростовцев, Сидорчук, 2019 – Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Миф о Л.А. Кассо // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 57. С. 14-22.

- [Ростовцев, 2017](#) – *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи. М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
- [Сироткина, 2008](#) – *Сироткина И.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 272 с.
- [Толстовские дни](#) – Толстовские дни в Томске // *Сибирская жизнь*. 1910. № 251. 11 ноября. С. 3.
- [Томский университет](#) – Томский университет. 1880–1980 / Отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 492 с.
- [Фоминых, Некрылов, 2012](#) – *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А.* Неудобный властям профессор: как увольняли И.А. Малиновского из Императорского Томского университета // *Часопис Національного університету «Острозька академія». Серія «Право»*. 2012. № 2 (6). С. 1-31.
- [ЕАА](#) – Eesti Ajalooarhiiv (Исторический архив Эстонии).

References

- [At the university \(No. 27\)](#) – V universitete [At the university]. *Siberian Life*. 1911, no. 27. February 4th, p.3. [in Russian]
- [At the university \(No. 30\)](#) – V universitete [At the university]. *Siberian Life*. 1911, no. 30. February 8th, p.4. [in Russian]
- [At the university \(No. 31\)](#) – V universitete [At the university]. *Siberian Life*. 1911, no. 31. February 9th, p.4. [in Russian]
- [At the university \(No. 33\)](#) – V universitete [At the university]. *Siberian Life*. 1911, no. 33. February 11th, p.4. [in Russian]
- [Barinov, 2017](#) – *Barinov D.A.* (2017). Krizis vysshey shkoly 1911 g. v fokuse istoriografii [The crisis of high school in 1911 in the focus of historiography]. *Clio*, no. 10, p. 106-117. [in Russian]
- [Benasik, 1909](#) – *Benasik M.* (1909). Studenthood in numbers according to the 1907 census in Yuriev. St Petersburg, Yuriy. Students fratern., 136 p. [in Russian]
- [Brachev, 2013](#) – *Brachev V.S.* (2013). Studencheskiye volneniya oktyabrya – dekabrya 1910 g. v Sankt-Peterburgskom universitete [Student unrest in October – December 1910 at St. Petersburg University]. *Clio*, no. 10, pp. 68-76. [in Russian]
- [ЕАА](#) – Eesti Ajalooarhiiv (Historical Archive of Estonia).
- [Fominykh, Nekrylov, 2012](#) – *Fominykh S.F., Nekrylov S.A.* (2012). Neugodnyy vlastyam professor: kak uvol'nyali I.A. Malinovskogo iz Imperatorskogo Tomskogo universiteta [Professor, objectionable to the authorities: how IA was fired Malinowski from the Imperial University of Tomsk]. *Chasis of the National University "Ostrozka Academy". Seriya "Law"*, no. 2 (6), pp. 1-31.
- [Garafutdinov, 1969](#) – *Garafutdinov F.* (1969). Studenty Kazanskogo universiteta na novom etape bor'by za sverzheniye tsarizma (1910 – fevral' 1917) [Students of Kazan University at a new stage in the struggle to overthrow tsarism (1910 – February 1917)]. *Bulletin of the Student Scientific Society of Kazan University*. Kazan, Is. 2-3. pp. 101-106. [in Russian]
- [Gilyazov, 2009](#) – *Gilyazov I.* (2009). Gorod Kazan' i Kazanskiy universitet v nachale XX veka [Kazan city and Kazan University at the beginning of the 20th century]. *University and city in Russia (beginning of the 20th century)*. Moscow, ROSSPEN, pp. 460-583. [in Russian]
- [January 11, 1911](#) – 11 yanvarya 1911 g. № 765. O vremennom nedopushchenii publichnykh i studencheskikh sobraniy v stenakh vysshikh uchebnykh zavedeniy [January 11, 1911 No. 765. On the temporary prohibition of public and student meetings in the walls of higher educational institutions]. *Journal of ministry of education*. 1911. Part 31. April, pp. 41-43. [in Russian]
- [Kazanskiy, 1911](#) – *Kazanskiy P.E.* (1911). Soveshchaniye professorov v dekabre 1910 g. (doklad v Akademicheskome Klube v Odesse) [Meeting of professors in December 1910 (report at the Academic Club in Odessa)]. Odessa: type. "Rus. speech", 53 p. [in Russian]
- [Korbut, 1930](#) – *Korbut M.K.* (1930). Kazanskiy gosudarstvennyy universitet za 125 let [Kazan State University for 125 years]. Kazan: Kazan Publishing House of Univ., vol. 2, 211 p. [in Russian]
- [Kovtunen, 2014](#) – *Kovtunen M.K.* (2014). Dvizheniye pravogo akademizma v Imperatorskom Novorossiyskom universitete v nachale XX v. [The movement of right academism at the Imperial Novorossiysk University at the beginning of the twentieth century]. *Electronic journal "Bulletin of Moscow State Regional University."*, no 1. [in Russian]
- [Meilakh, 1960](#) – *Meilakh B.S.* (1960). Ukhod i smert' L'va Tolstogo. [Leaving and death of Leo Tolstoy]. Moscow, State. publishing house literature, 405 p. [in Russian]
- [Portnoy, 1940](#) – *Portnoy I.L.* (1940). Studencheskoye dvizheniye v Odesskom universitete v 1900-1914 gg. [Student movement at Odessa University in 1900-1914]. *Odessa University for 75 years*. Odessa, pp. 69-120. [in Russian]
- [Protocol... January 21](#) – Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira 21 yanvarya, 18 fevralya i 1 marta 1911 g. [Protocol of meetings of the Council of the Imperial University of St. Vladimir on January 21, February 18 and March 1, 1911]. *University News*. 1911, no. 7. [in Russian]

Protocol... March 18 – Protokol zasedaniya Soveta Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira 18 marta 1911 g. [Protocol of the meeting of the Council of the Imperial University of St. Vladimir March 18, 1911]. *University News*. 1911, no. 11. [in Russian]

Protocol... May 27 – Protokol zasedaniya Soveta Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira 27 maya 1911 g. [Protocol of the meeting of the Council of the Imperial University of St. Vladimir May 27, 1911]. *University News*. 1912, no. 3. [in Russian]

RGIA – Russian State Historical Archive.

Richter, 2004 – *Richter Z.* (2004). Khochu, chtoby zhili [I want them to live]. *Lechaim*. March. No. 3 (143). [Electronic resource]. URL: <http://lechaim.ru/ARHIV/143/rihter.htm> (accessed: 08.09.2017). [in Russian]

Rostovtsev, 2017 – *Rostovtsev E.A.* (2017). Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii [Capital University of the Russian Empire]. Moscow, ROSSPEN, 903 p. [in Russian]

Rostovtsev, Sidorchuk, 2019 – *Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V.* (2019). Mif o L.A. Kasso [The myth of L.A. Kasso]. *Bulletin of Tomsk State University. History*, no. 57, pp. 14-22. [in Russian]

Sirotkina, 2008 – *Sirotkina I.* (2008). Klassiki i psikhiatry: Psikhiatriya v rossiyskoy kul'ture kontsa XIX – nachala XX veka. [Classics and psychiatrists: Psychiatry in Russian culture of the late XIX – early XX centuries]. Moscow, New Literary Review, 272 p. [in Russian]

Tolstovskiyе dni... – Tolstovskiyе dni v Tomske [Tolstoy Days in Tomsk]. *Siberian Life*. 1910. No. 251. 11th of November, p. 3. [in Russian]

Tomsk University – Tomskiy universitet. 1880–1980 [Tomsk University. 1880–1980]. Ed. M.E. Plotnikova. Tomsk: Publishing House of Tom. University, 1980. 492 p. [in Russian]

Zaichenko, 1960 – *Zaichenko P.A.* (1960). Tomskiy gosudarstvennyy universitet im. V.V. Kuybysheva. Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let. (1880–1955 gg.) [Tomsk State University V.V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian University in 75 years. (1880–1955)]. Tomsk: Publishing house of TSU, 478 p. [in Russian]

Кризис 1911 г. в провинциальных университетах

Евгений Анатольевич Ростовцев ^{a,*}, Дмитрий Андреевич Баринов ^a, Илья Викторович Сидорчук ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является исследование событий кризиса высшей школы Российской империи в 1911 г., так называемого «кризиса Кассо», на примере пяти провинциальных университетов – Новороссийского, святого Владимира в Киеве, Юрьевского, Томского и Казанского. Традиционно данный период в истории высшей школы Российской империи рассматривался на примере столичных вузов. Данная работа призвана выяснить, была ли реакция на кризис в выбранных университетах лишь отголоском событий в Санкт-Петербурге и Москве или можно говорить об уникальных сценариях его развития. Исследование опирается на широкий круг архивных и опубликованных источников, в том числе не введенных в научный оборот. В результате проведенного исследования авторский коллектив пришел к выводу о том, что ход кризиса, его основные движущие силы, позиции профессуры и студенчества в разных университетах империи были весьма схожи. Общими для провинциальных университетов и объединяющими их со столичными были представления о важности академической свободы, нежелание исполнять полицейские функции, стремление смягчить удар репрессий против студентов. Одновременно тактика университетов была различной и зависела как от состава профессорских корпораций, так и от региона, к которому принадлежал университет.

Ключевые слова: Высшая школа Российской империи, кризис Кассо, история университетов, 1911 г., Новороссийский университет, Юрьевский университет, Университет св. Владимира в Киеве, Казанский университет, Томский университет, студенческое движение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: e.rostovtsev@spbu.ru (Е.А. Ростовцев), d.barinov@spbu.ru (Д.А. Баринов), i.sidorchuk@spbu.ru (И.В. Сидорчук)